

ВВЕДЕНИЕ

Кто написал Библию?

Люди читали Библию в течение почти двух тысяч лет. Они воспринимали ее буквально, образно или символически. Они рассматривали ее как божественный диктант, откровение или боговдохновенную книгу, или как человеческое творение. Они выпустили больше экземпляров этой книги, чем любой другой. Ее цитируют (и перевирают) чаще, чем другие книги. Ее также переводят (и неправильно переводят) более других. Она называется великим литературным произведением, первым творением истории. Она является основой христианства и иудаизма. Духовенство, священники и раввины, проповедают ее. Ученые тратят свои жизни, изучая и преподавая ее в университетах и семинариях. Люди читают и изучают ее, восхищаются ей, презирают ее, пишут о ней, спорят о ней и любят ее. Люди жили по ней и умерли за нее. И мы не знаем, кто написал ее.

То, что мы никогда с уверенностью не знали, кто создал книгу, которая сыграла центральную роль в нашей культуре, является странным фактом. Традиционно считается, что каждая из библейских книг написана следующими людьми: Моисеево Пятикнижие должно быть написано Моисеем, книга Плач Иеремии – пророком Иеремией, половина псалмов – царем Давидом; но как узнать, верны ли эти представления?

Исследователи работали над решением этой тайны в течение почти тысячи лет и сделали, особенно за прошлые два столетия, необычайные открытия. Некоторые из этих открытий бросают вызов традиционным верованиям. Тем не менее, это исследование не развивалось как противоречие религии и науки или религиозного и мирского. Напротив, большинство исследователей были выучены в религиозных традициях и знали Библию так же хорошо, как и те, которые принимали только традиционные положения. Действительно, с самого начала и до настоящего момента, существенная часть критически настроенных библеистов, пожалуй, даже большинство, в то же самое время принадлежали к духовенству. Стремление узнать, кто написал Библию, скорее всего

зародилось и не угасает благодаря тому, что ответ на этот вопрос имеет важное значение как для традиционного, так и для критического изучения Библии.

В конце концов, это была Библия. Ее влияние на западную цивилизацию — и впоследствии на восточную — было настолько глубоким, что едва ли возможно было осознать ее воздействие, а тем более признавать ее авторитет, не заботясь о ее происхождении. Если мы считаем Библию великим литературным произведением, тогда кто был творцом? Если мы принимаем ее в качестве исторического источника, то чьи сообщения мы исследуем? Кто написал ее заповеди? Кто формировал книгу из разношерстной коллекции рассказов, поэзии и законов в единое произведение? Если мы видим личность автора, читая его работу, независимо от его звания и того, является наше чтение художественным произведением или научно-популярным изданием, то кого мы себе представляем читая Библию?

Для большинства читателей имеет значение, является ли их интерес к книге религиозным, нравственным, литературным или историческим. Когда некая книга изучается в средней школе или на университетском курсе, студент обычно узнаёт что-либо из жизни автора, и, как правило, это способствует пониманию книги. Помимо далеко идущих теоретических литературных соображений, большинство читателей, кажется, считают важным умение видеть связи между жизнью автора и миром, который писатель или писательница изображает в своей работе. В случае художественной литературы большинство сочло бы уместным, что Достоевский был русским, жил в девятнадцатом веке, был православным христианином, изначально придерживался революционных взглядов, был эпилептиком, и потому эпилепсия фигурирует в немалой степени в «Идиоте» и в «Братьях Карамазовых»; или что Дэшел Хэммет был детективом; или что Джордж Элиот была женщиной. Так же и в научной литературе, здесь также нет пределов для увлеченных людей; взять Фрейда - человека, у которого его собственный опыт нашел отражение в его произведениях, или Ницше, где всё, от его безумия до его отношений с Лу Саломе и иногда сверхъестественной связи с Достоевским, прослеживается при прочтении его работ.

Чем более очевидным это кажется, тем более поразителен тот факт, что в случае с Библией такой информации в значительной степени недоставало. Часто без неё текст не может быть понят. Жил ли автор конкретного библейского рассказа в восьмом столетии до н.э. или в пятом? — таким образом, когда автор использует определенные выражения,

понимаем ли мы их в соответствии с тем, что означали эти выражения в восьмом столетии или с тем, что они означали в пятом столетии? Являлся ли автор очевидцем описываемых событий? Если нет, как автор пришел к идее описываемого? Произошло это посредством письменных источников, старых семейных преданий, божественного откровения, абсолютного вымысла, или другим способом? Сколько событий, современных автору, повлияло на форму изложения истории? Писал ли автор свою работу с таким намерением, чтобы она стала священным нравоучительным текстом?

Такие вопросы важны для понимания того, что текст непосредственно означал в библейском мире. Но они также предоставляют возможность для создания нового, более глубокого понимания книги, как у религиозных так и нерелигиозных читателей, сегодня, как только мы познакомимся с лицами и силами, создавшими ее.

Пять Книг Моисея

Это одна из самых старых загадок в мире. Исследователи бились над ней практически со времени завершения формирования Библии. Как обычно случается, начиналось все не как исследование авторства Библии. Всё началось с людей, выдвигающих вопросы относительно проблем, обнаруженных ими в библейском тексте. Оно продолжалось как детективный роман, развернувшийся на столетия, с исследователями, поодиночке раскрывающими ключи к разгадке происхождения Библии.

Все началось с вопросов касательно первых пяти книг Библии: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. Эти книги известны как Пятикнижие или Тора (с иврита, означает "учение, закон"). Также они известны как Пять Книг Моисея. Моисей - ключевая фигура большинства этих книг, ранние еврейская и христианская традиции считали, что сам Моисей написал их, хотя нигде в Пяти Книгах Моисея текст не говорит о том, что именно он был автором.¹ Но мнение, что один человек, Моисей, в одиночку написал эти книги, доставляет проблемы. Люди замечали противоречия в тексте. Текст рассказывал о событиях в определенном порядке, а позже говорил, что те же события происходили в другом порядке. Он говорил, что было две каких-либо вещи, а в другом месте говорил, что этих же вещей было четырнадцать. Он говорил, что моавитянин сделал что-либо, а позже сообщал, что сделавшим это был мадианитянин. Он описывал Моисея идущим в Скинию собрания в главе, предшествующей той, в которой Моисей построил Скинию.

Люди также заметили, что Пять Книг Моисея включают вещи, которые Моисей не мог бы знать или, вероятно, не мог бы сказать. Текст, в конце концов, делает сообщение о смерти Моисея. Он также говорит, что Моисей был самым скромным человеком на Земле; хотя обычно не следовало бы ожидать, что самый скромный человек на Земле будет обращать наше внимание на то, что он самый скромный человек на Земле.

Сначала аргументы тех людей, которые подвергли сомнению авторство Моисея, были отвергнуты. В третьем веке нашей эры христианский ученый Ориген дал ответ тем, кто выдвигал возражения против моисеева авторства и цельности Пятикнижия. Раввины, жившие после окончательного формирования Ветхого Завета, аналогично объясняли проблемы и противоречия в пределах границ традиции: противоречия были лишь кажущимися. Они могли быть объяснены посредством толкований – зачастую тщательно проработанных толкований – или посредством привлечения дополнительных подробностей повествования, которые не фигурировали в библейском тексте. Что касается упоминаний Моисеем вещей, которые не могли быть ему известны – это объяснялось пророческим даром Моисея. Такие, ориентированные на религиозную традицию отклики, преобладали в средние века. Средневековые комментаторы Библии, такие как Раши во Франции и Нахманид в Испании, были особенно искусны в поиске объяснений, улаживавших каждое из противоречий. Однако также в средневековый период исследователи начали давать новый вариант ответа на старые вопросы.

Шестьсот лет исследования

На первой стадии исследователи все еще придерживались того традиционного взгляда, что Пять Книг написал Моисей, но они предположили, что несколько строк было добавлено здесь или там. В одиннадцатом столетии Исаак ибн Йашуш, придворный врач в Испании, указал, что список эдомитянских царей из Быт. 36, упоминает царей, которые жили после смерти Моисея. Ибн Йашуш предположил что этот список был написан кем-то, жившим после Моисея. Реакция на его вывод состояла в том, что его прозвали "Исааком бестолковым."

Человеком, прозвавшим Исаака бестолковым, был Авраам ибн Эзра, испанский раввин двенадцатого столетия. Ибн Эзра добавил: "Его книга заслуживает сожжения." Но, по иронии судьбы, сам ибн Эзра включил в свои произведения несколько загадочных

комментариев, намекающих на его собственные сомнения. Он сослался на некоторые библейские отрывки, которые, казалось, не принадлежали руке Моисея: рассказы, которые упоминали Моисея в третьем лице, использованные определения, которые не должен был бы знать Моисей, описанные места, где Моисей никогда не был, и использованный язык, отражающий отдаленные от Моисея время и место. Тем не менее, ибн Эзра очевидно не был готов сказать напрямую, что Моисей не являлся автором Пяти Книг. Он просто написал: "Если вы поймете, то постигнете истину". В другом комментарии одного из этих противоречивых рассказов он написал: "Кто понимает, будет хранить молчание."

В четырнадцатом столетии, в Дамаске, ученый Бонфилс согласился с доводами ибн Эзры, но не с его советом хранить молчание. Обращаясь к трудным местам, Бонфилс недвусмысленно написал: «Это доказательство того, что этот стих был записан в Тору позднее, Моисей не писал его; скорее, кто-то из поздних пророков написал его». Бонфилс не отличал разоблачительный характер текста. Он все еще думал, что рассказ был «дописан одним из поздних пророков». Он только заключил, что они были написаны не Моисеем. Тем не менее, спустя три с половиной века, его работа была перепечатана без описанных сомнений в авторстве Моисея.

В пятнадцатом столетии, Тостатус, епископ Авильский, отметил, что некоторые места, в первую очередь обстоятельства смерти Моисея, не могли быть написаны Моисеем. Существовала древняя традиция, что приемник Моисея Иисус дописал это место. Однако, в шестнадцатом веке, Карлштадт, современник Лютера, указал, что запись о смерти Моисея написана в таком же стиле, как и предшествующие ей. Это обстоятельство делает затруднительным возможность утверждения того, что Иисус либо кто-нибудь еще другой просто добавил несколько строк к моисеевой рукописи. Также возникают сопутствующие вопросы касательно того, что принадлежало руке Моисея, а что было добавлено кем-нибудь еще.

На втором этапе процесса исследователи выдвинули предположение, что Моисей написал Пять Книг, но позднее по ним прошли редакторы, добавляя отдельные слова или фразы.

В шестнадцатом веке, Андреас фон Майс, фламандский католик, и двое иезуитских ученых, Бенедикт Перейра и Жак Бонфри, отделили исходный текст, принадлежащий руке Моисея, от дополнений поздних авторов. Фон Майс предложил, что поздний

редактор вставил фразы или изменил названия мест на более современные ему, чтобы читатель лучше понимал, о чем идет речь. Книга фон Майса была отнесена Католической Церковью к разряду запрещенных книг.

На третьей стадии изысканий исследователи недвусмысленно заключили, что Моисей не писал костяка Пятикнижия. Первым кто сказал это, был английский философ семнадцатого века Томас Гоббс.

Гоббс собрал многочисленные случаи фактов и выражений из Пяти Книг, которые были несовместимы с Моисеевым авторством. Например, текст иногда сообщает, что что-то имеет место быть "по сей день." "По сей день" - не выражение кого-то описывающего современную ему ситуацию. Это - скорее фраза более позднего автора, который описывает что-то прошедшее.

Четыре года спустя, Исаак де ла Перре, французский кальвинист, также открыто написал, что Моисей не был автором первых книг Библии. Он также отметил проблемы, вытекающие из текста, включая, например, слова "за Иорданом" в первом стихе Второзакония. Этот стих говорит: "Сии суть слова, которые говорил Моисей всем Израильтянам за Иорданом..." Проблема с фразой "за Иорданом" состоит в том, что она обращается к кому-то, кто находится на другом, нежели автор строк, берегу реки Иордан. Таким образом, стих представляется словами кого-то в Израиле, на западном берегу Иордана, рассказывающего о том, что Моисей делал на восточном берегу Иордана. Однако сам Моисей предположительно никогда в жизни не был в Израиле. Книга де ла Перре была запрещена и сожжена. Автор был арестован и поставлен в известность, что для освобождения он должен будет стать католиком и отречься от своих взглядов перед Папой Римским. Он это сделал.

В то же самое время в Голландии философ Спиноза издал единый критический анализ, также демонстрирующий, что проблемные места не являлись единичными случаями, которые могли бы быть объяснены поодиночке. Скорее, они пронизывали все Пять Книг Моисея. Такими местами были: рассказы о Моисее в третьем лице, высказывания вряд ли принадлежавшие Моисею (например, "самый скромный человек на Земле"), сообщение о смерти Моисея, выражение "по сей день," упоминания мест действий по названиям полученным уже после времени Моисея, упоминания вещей, существовавших после Моисея (например, список эдомитянских царей), а также

различные противоречия и проблемы в тексте, замеченные ранними исследователями. Он также обратил внимание на текст 34-ой главы Второзакония: "И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей...". Спиноза отметил, что он звучит как слова кого-то, кто жил намного позже Моисея и имел возможность видеть других пророков и таким образом сделать сравнение. (Этот отрывок также не походит на слова самого скромного человека на Земле.) Спиноза написал, "... ясно как белый день, что Пятикнижие не было написано Моисеем, но кем-то, кто жил гораздо позже Моисея." Спиноза был отлучен от Иудаизма. Его работа была осуждена и католиками и протестантами. Его книга была занесена в католический *Index Librorum Prohibitorum* (перечень запрещённых книг), в течение шести лет тридцать семь эдиктов были выпущены против нее и было совершено покушение на его жизнь.

Некоторое время спустя, во Франции, Ричард Саймон, перешедший из протестантизма в католические священники, написал работу, которую позиционировал в качестве критики Спинозы. Он говорил, что ядро Пятикнижия (заповеди) принадлежало перу Моисея с небольшим количеством вставок. Вставки, как он утверждал, принадлежали переписчикам, которые собирали, приводили в порядок и обрабатывали старые тексты. Эти переписчики, по Саймону, были пророками, ведомыми святым духом, и поэтому рассматривали свою работу как сбережение святости библейских текстов. Его современники, однако, явно не были готовы воспринять работу, утверждающую, что какая-либо часть Пяти Книг принадлежит не Моисею. Саймон был раскритикован остальным католическим духовенством и лишен сана. Его книга была занесена в перечень запрещённых книг. Протестантами было написано сорок опровержений его работы. Все тринадцать сотен экземпляров его книги, за исключением шести, были сожжены. Вышел английский перевод этой книги в исполнении Джона Хэмпдена, который потом отрекся от нее. Сообщение ученого Эдварда Грея расскажет нам лучше о тех событиях: «Хэмпден отрекся от общих с Саймоном убеждений... в 1688 году, вероятно, незадолго до освобождения из темницы».

Источники

Идея Саймона, что библейские авторы скомпоновали свое произведение из древних источников, бывших в их распоряжении, была важным шагом на пути к

обнаружению того, кто написал Библию. Любой компетентный историк осознает важную роль источников при написании работы, повествующей о происходивших событиях. Гипотеза, что Пять Книг Моисея были результатом такого объединения нескольких более старых источников, принадлежащих различным авторам, была исключительно важна, потому что она подготовила почву для работы с новой статьей свидетельств, которые были развиты тремя исследователями в следующем столетии: повторениями.

Повторение – случай одной и той же истории, рассказанной дважды. Даже в переводе легко заметить, что библейские истории часто появляются с варьированием деталей в двух разных местах в Библии. Есть две разных истории о творении мира. Есть две истории завета между богом и патриархом Авраамом, два рассказа о сыне Авраама Исааке, две истории о претензиях Авраама к иноземному царю по поводу того, что его жена Сара приходится ему сестрой, две истории о сыне Исаака Иакове, совершающем путешествие в Месопотамию, две истории об откровении Иакову в Вефиле, две истории об изменении богом имени Иакова на Израиль, две истории получения Моисеем воды из скалы в месте под названием Мерива и другие.

Те, кто защищал традиционную веру в моисеево авторство, утверждали, что повторения всегда являлись добавочными, не постоянными, и что они не противоречили друг другу, они имели целью преподнести нам урок своей «кажущейся» противоречивостью. Однако был обнаружен другой, подрывающий это традиционное возражение, ключ к разгадке. Исследователи открыли, что в большинстве случаев один из двух вариантов повторений обращается к божеству посредством божественного имени Яхве (раньше оно ошибочно произносилось как Иегова), а другая версия истории обращается к божеству просто как "Бог". Таким образом, повторения выстраивались в две группы параллельных версий происходящего. Каждая группа была почти всегда последовательна при именовании божества определенным эпитетом. Кроме того, исследователи нашли, что не только разные имена божества разбивали повествование на группы. Они нашли различные другие признаки и отличительные особенности, постоянно сопутствующие той или другой группе. Это располагало поддержать гипотезу, что кто-то взял два различных старинных документа, сократил их и сплел воедино в виде непрерывного рассказа в Пяти Книгах Моисея.

Таким образом, следующей стадией исследования был процесс разделения двух старых первоисточников. В восемнадцатом столетии три независимых исследователя пришли к похожим выводам, основанным на этих соображениях: немецкий священник (Х. Б. Виттер), французский врач (Жан Астриук) и немецкий профессор (Дж. Г. Эйкхорн). Сначала считалось, что одна из двух версий историй в книге Бытие была древним текстом, который Моисей использовал в качестве источника, и что другая версия рассказа была собственным творением Моисея, описывающим те же вещи его собственными словами. Позже, считалось, что обе версии историй являлись старыми первоисточниками, которые Моисей использовал при создании своей работы. Но, в конечном счете, пришли к заключению, что оба из этих двух источников принадлежат авторам, которые жили после Моисея. Каждый шаг этого процесса приписывал непосредственно Моисею всё меньше и меньше.

К началу девятнадцатого века гипотеза двух источников была расширена. Ученые нашли свидетельства того, что, в конце концов, в Пятикнижии было не два основных источника – их было четыре! Двое ученых открыли, что в первых четырех книгах Библии были не только двукратные повторения рассказов, но и несколько трехкратных. Это согласовывалось с другим свидетельством, включающим в себя противоречия и языковые особенности, которое убедило их, что они нашли еще один источник в пределах Пятикнижия. Затем молодой немецкий ученый В. М. Л. Де Ветте заметил в своей докторской диссертации, что пятая из Пяти Книг Моисея, книга Второзаконие, поразительно отличалась языком написания от предшествовавших ей четырех книг. Ни один из трех первоисточников, казалось, не просматривался в этой книге. Де Ветте предположил, что Второзаконие было отдельным, четвертым источником.

Таким образом, благодаря работе очень многих людей и личному вкладу некоторых из них, тайна происхождения Библии стала приоткрываться, и была сформирована рабочая гипотеза. Это был удивительный этап в истории Библии. Ученые могли открыть книгу Бытия и идентифицировать писания двух или даже трех авторов на одной странице. Здесь также была видна рука редактора, человека, который сократил и скомпоновал первоисточники в единую историю; таким образом, более четырех различных человек могли быть причастны к созданию каждой страницы Библии. Теперь исследователи были способны увидеть, что существовала загадка, и каким был ее основной характер. Но они все еще не знали, кем были авторы любого из четырех

старых первоисточников, когда они жили, или почему они это написали. И они понятия не имели, кем был таинственный редактор, который объединил авторов, и при этом у них не было никакой идеи, почему этот человек объединил их таким сложным способом.

Гипотеза

Если сформулировать по возможности кратко, то загадка была в следующем:

Существовало свидетельство того, что Пять Книг Моисея были составлены посредством комбинирования четырех различных источников в одну непрерывную - историю. В рабочих целях эти четыре документа были обозначены символами алфавита. Документ, который был связан с божественным именем Яхве/Иегова, назвали **Ж**. Документ, который был идентифицирован обращаясь к божеству как Бог (на иврите *Элохим*) назвали **Е**. Третий документ, безусловно, самый большой, включающий большинство правовых положений и уделяющий огромное внимание вопросам, имеющим отношение к жрецам, назвали **Р**. А источник, который был найден только в книге Второзакония, назвали **Д**. Вопрос состоял в том, как раскрыть историю этих четырёх документов — не только, кто написал их, но и почему четыре различные версии истории были написаны, какова связь между ними, знал ли кто-либо из авторов о существовании других текстов, к какому историческому периоду принадлежит каждый из текстов, как они были сохранены и объединены, и так далее.

Первым шагом была попытка определить, в каком относительном порядке были написаны тексты. Идея состояла в том, чтобы попытаться увидеть, отражал ли каждый текст определенную стадию развития религии в библейском Израиле. Такой подход отразил влияние немецких гегелевских представлений девятнадцатого века об историческом развитии цивилизации. Выделяются две фигуры девятнадцатого века. Они подошли к проблеме по-разному и достигли дополняющих друг друга результатов. Один из них, Карл Хайнрих Граф, анализируя ссылки одного текста на другой, работал над определением того, какой из текстов являлся предшествующим или следующим другому. Другой исследователь, Вильгельм Ватке, стремился проследить историю развития древней израильской религии, исследуя тексты на предмет свидетельств относительно того, отразили ли они ранние или поздние стадии религии.

Граф пришел к заключению, что документы J и E были самыми старыми версиями библейских историй, поскольку они (как и другие ранние библейские письмены) не содержали вопросов, отраженных в других документах. D появился позже, чем J и E, поскольку он выказывал знакомство с событиями более позднего исторического периода. А P, жреческая версия рассказа, был последним из всех, поскольку он упоминал множество вопросов, которые были неизвестны во всех более ранних частях Библии, таких как книги пророков. Тем временем Ватке пришел к выводу, что J и E отразили очень раннюю стадию в развитии израильской религии, когда она была по существу религией земледельческого плодородия. Он пришел к заключению, что D отразил промежуточную стадию религиозного развития, когда вера Израиля была духовно-нравственной религией; короче говоря, эпоху великих пророков. Он также расценил документ P как отражение последней стадии развития израильской религии, стадии жреческой религии, основанной на жрецах, жертвоприношениях, ритуале и законе.

Попытка Ватке реконструировать развитие религии Израиля и попытка Графа проследить развитие источников Пятикнижия, указывали на одно и то же. А именно: значительное большинство законодательства и большая часть повествования Пятикнижия не были известны ни в дни Моисея (тем более, не написаны им), ни даже во времена царей и пророков Израиля. Скорее всего они были написаны кем-то, кто жил ближе к концу библейского периода.

Последовало множество откликов на эту идею. Посыпались негативные отзывы и от критически настроенных ученых, и от приверженцев религиозной традиции. Даже Де Ветте, который идентифицировал источник D, не смог согласиться с идеей, что большая часть закона была столь поздней. Он сказал, что такая точка зрения способствует тому, что *"истоки еврейской истории базировались не на великих свершениях Моисея, а повисли в воздухе"*. А традиционно настроенные ученые указали, что такая точка зрения изображает библейских израильтян нацией, не знающей закона в течение первых шести столетий своей истории. Идеи Ватке и Графа, тем не менее, стали доминировать на поприще библейских исследований в течение ста лет прежде всего благодаря работе одного человека: Велльгаузена.

Юлиус Велльгаузен (1844-1918) выделяется как значительная фигура в исследовании авторства Библии и на библейском историческом поприще вообще. Трудно точно определить любого другого человека как "основателя", "отца", или "новатора" этой деятельности, потому что много людей сделали свои вклады, которые вывели исследование на несколько иной уровень. Действительно, книги и статьи по библейскому анализу приписывают эти регалии различным образом Гоббсу, Спинозе, Саймону, Астриюку, Эйкхорну, Графу или Велльгаузену. Сам Велльгаузен применяет такое определение к Де Ветте. Но Велльгаузен занимает особое место в истории этой деятельности. В данной истории его вклад является не столько завязкой, сколько кульминацией. Большую часть того, что Велльгаузен хотел сообщить, он взял у своих предшественников, но вклад Велльгаузена объединил все эти составляющие, наряду с собственными немаловажными исследованиями и аргументацией, в ясное организованное соединение.

Велльгаузен принял предложенную Ватке религиозную картину Израиля, развитие которой проходило в три этапа, и принял предложенное Графом понимание документов-первоисточников, как написанных в каждый из трех определенных периодов. Он просто соединил эти две картины. Он изучил библейские истории и законы, которые появляются в J и E, и показал, что они отразили образ жизни в земледельческо-плодородный религиозный период. Он утверждал, что истории и законы Второзакония (D) отразили жизнь духовно-нравственного периода. Он также утверждал, что P восходил к жреческо-законодательному периоду. Он тщательно проследил особенности каждой стадии и периода в тексте каждого документа, изучая способ, которым каждый документ отразил один из нескольких фундаментальных аспектов религии: особенности жречества, типы жертвоприношений, места жертвенников и религиозных праздников. Он обращал внимание как на правовые, так и на повествовательные части как всего Пятикнижия, так и остальных исторических и пророческих книг Библии. Его доводы были разумны, членораздельны и чрезвычайно убедительны. Его конструкция была убедительной, помимо всего прочего, еще и потому, что он сделал больше, чем просто разделил источники по общепринятым критериям (повторения, противоречия, и т.д.). Это привязывало первоисточники к истории. И это послужило правдоподобной почвой, в которой они могли развиваться. Таким образом, модель Велльгаузена начала отвечать на вопрос, почему существовали различные источники. Первое действительное

признание этой области исследований произошло тогда, когда исторический и литературный анализы были успешно объединены. Модель сочетания источников стала известной как Документарная Гипотеза. С тех пор она доминировала на данном поприще. По сей день, если вы хотите поспорить – вы спорите с Велльгаузенем. Если вы хотите предложить новую модель, вы сравниваете ее достоинства с достоинствами модели Велльгаузена.

Текущее состояние

На протяжении девятнадцатого века новому исследованию продолжала противостоять религиозная оппозиция. Документарная Гипотеза стала известной в англоязычных странах в значительной степени благодаря работе Уильяма Робертсона - Смита, профессора по Ветхому Завету в *Free Church of Scotland college* в Абердине и редактора *Encyclopaedia Britannica*. Он написал статьи в энциклопедии и также опубликовал статьи Велльгаузена. Он подвергся судебному преследованию со стороны церкви. Несмотря на то, что он был очищен от обвинения в ереси, он потерял свое место. Также в девятнадцатом веке в Южной Африке англиканский епископ Джон Коленсо издал подобные умозаключения, на что получил триста опровержений. Его прозвали "грешным епископом."

Тем не менее, в двадцатом веке все начало меняться. На протяжении столетий существовали значительные возражения по поводу такого исследования со стороны Католической Церкви, но главным поворотным моментом стала энциклика *Divino Afflante Spiritu* Папы Пия 12 в 1943г. Ее прозвали "Великой хартией вольностей для библейских исследований" (*a Magna Carta for biblical progress*). Папа Римский поощрял ученых в стремлении развивать знания о библейских авторах, поскольку эти авторы были "живым и разумным инструментом Святого Духа..." Он резюмировал:

Позвольте переводчику со всей осторожностью и не пренебрегая никаким светом, пролитым недавним исследованием, попытаться определить специфические черты и обстоятельства священного писателя, эпоху, в которой он жил, источники, письменные или устные, к которым он обращался, и обороты речи, которые он использовал.

Что касается результатов папского поощрения, то католический Jerome Biblical Commentary, появившийся в 1968 году, начинался со следующего заявления редакторов:

*Не секрет, что прошлые пятнадцать или двадцать лет были свидетелями чуть ли не революции в католическом исследовании Библии – революции, поощренной властью в виде Великой хартии вольностей, которой была энциклика *Divino Afflante Spiritu* Папы Пия XII. Принципы литературной и исторической критики, так долго воспринимаемые с недоверием, теперь, наконец, приняты и применены католическими комментаторами. Результаты были разнообразными: новый и живой интерес к Библии повсюду в Церкви; великий вклад библейской науки в современную теологию; единение усилий и взаимопонимания между католическими и некатолическими исследователями.*

Оппозиция критической экспертизе Библии также уменьшилась среди протестантов. Библия стала изучаемой и преподаваемой критически настроенными учеными в ведущих протестантских институтах Европы и Великобритании. В Соединенных Штатах также критически настроенные ученые преподают в главных протестантских институтах, таких как *Harvard Divinity School*, *Yale Divinity School*, *Princeton Theological Seminary*, *Union Theological Seminary*, и во многих других. Критическая экспертиза текста и его авторства также стала принятой в ведущих еврейских учреждениях, особенно в *Hebrew Union College*, который является реформистской раввинистической школой, и в *Jewish Theological Seminary*, консервативной раввинистической школе. Она также изучается в ведущих университетах всего мира.

До последнего поколения существовали ортодоксальные христианские и еврейские ученые, которые оспаривали Документарную Гипотезу в академических кругах. В настоящее время, однако, едва в мире найдется библеист, активно работающий над этой проблемой, который настаивал бы, что Пять Книг Моисея были написаны Моисеем (или любым другим человеком) единолично.² Ученые спорят о количестве различных авторов, которые написали ту или иную библейскую книгу. Они спорят о том, когда

различные документы были написаны, и о том, какому документу принадлежит конкретный стих. Они выражают различные степени удовлетворения или неудовлетворенности пользой гипотезы в литературных или исторических целях. Но сама гипотеза продолжает быть отправной точкой исследования, никакой серьезный исследователь Библии не может не изучать ее, и никакое другое объяснение фактов не пришло ей на смену.

Критический анализ авторства распространялся не только на Пять Книг Моисея, но и коснулся каждой книги Библии. Для примера, книга Исаяи была традиционно приписываема пророку Исаяе, который жил в восьмом столетии до н.э. Большая часть первой половины книги согласуется с таким представлением. Но главы 40 - 66 книги Исаяи, кажется, принадлежат кому-то жившему приблизительно два столетия спустя. Даже книга Авдия, длиной всего лишь в одну страницу, как предполагалось, является комбинацией произведений двух авторов.

В наше время новые инструменты и новые методы приносят свой существенный вклад. Новые методы лингвистического анализа, развитые в значительной степени в течение последних пятнадцати лет, позволили установить относительную хронологию частей Библии, определить и описать особенности библейского иврита в различные периоды. Выражаясь проще, Моисей был более далек от языка большей части Пяти Книг, чем Шекспир был далек от современного английского языка. Также со времен Велльгаузена произошла археологическая революция, которая привела к важным открытиям, которые должны теперь фигурировать в любом исследовании библейского авторства. Я буду обсуждать относящиеся к делу археологические находки по ходу этой книги.

Однако простой факт заключается в том, что загадка по преимуществу остается неразрешенной. Неуловимость решения продолжает препятствовать нашей работе касательно иных вопросов по Библии. Мой собственный опыт – тому показательный пример. Когда я вступил на ниву библейских исследований в свои студенческие годы, я отметил, что для меня это было не очень важно, что мой интерес состоял в том, что говорил текст и что являлось актуальным сегодня, а не кто написал текст. Но поскольку я работал все больше с текстом в течение многих лет, я нашел, что, независимо от того к какому вопросу я обращался, все всегда возвращалось к этой проблеме.

Если я работал над литературным аспектом, я хотел знать, почему текст рассказывал историю таким образом, а не иначе. Для примера рассмотрим историю с золотым тельцом. В книге Исход бог произносит Десять Заповедей израильтянам с небес на горе Синай. Затем Моисей поднимается в одиночестве на гору, чтобы получить высеченный на каменных скрижалях набор заповедей. Когда Моисей задерживается с возвращением, народ изготавливает золотого тельца и поклоняется ему. Их лидер, человек, который собственноручно делает золотого тельца, - это личный представитель Моисея - Аарон. Когда Моисей возвращается и видит тельца, он бросается вниз и в гневе разбивает скрижали. Он уничтожает золотого тельца. Он спрашивает Аарона: "Что эти люди сделали тебе, что ты ввел их в такой большой грех?" Аарон отвечает, что народ просил его сделать божество, что люди бросили золото в огонь, "и оттуда вышел телец!"

Вопрос был в том, что заставило кого-то написать такую историю? Что происходило в мире этого автора, что заставило его ³ рассказать историю, в которой его собственный народ впадает в отступничество всего лишь по истечении сорока дней с того момента, когда бог вещал с небес? Почему он изобразил золотого тельца, а не бронзовую овцу, серебряную змею, или что-либо еще? Почему он изобразил Аарона, традиционно первого первосвященника Израиля, как лидера отступничества? Случилось ли это просто таким образом, что автор рассказывал историю в том виде, в котором он знал ее? Или были другие проблемы и события, происходящие в мире автора, которые мотивировали его, когда он писал свой рассказ?

Если я работал над нравственным вопросом, я хотел знать, почему текст говорил: "Поступайте таким образом, а не иначе". Например, в книге Второзаконие есть законы о ведении войны, которые несут важную нравственную нагрузку. Один закон освобождает от воинской повинности любого боящегося мужчину. Другой закон запрещает изнасилование плененной женщины. Женщинам из побежденной группы нужно дать время, чтобы оплакать любых утраченных членов семьи, и затем они могут быть взяты в качестве жен, а иначе они должны быть освобождены. В этом случае для меня казалось важным понять, что породило такие законы. Каким образом библейский стандарт поведения включил в себя эти положения и запреты? Что такого происходило в библейском мире, что побудило кого-то составить такие законы, и затем принудило общество принять их?

Если это был богословский вопрос, я хотел знать, почему текст изображал божество именно так. Например, Библия часто изображает божество как пропасть между божественным правосудием и божественным милосердием. В Библии существует повторяющееся противоречие между силами, которые говорят «наказать», и силами, которые говорят «простить». Какие события и какие различные концепции характера бога в различные времена и места в библейскую эпоху сыграли роль в изобретении такого сильного и изумительного понимания богочеловеческих отношений?

Возможно, самыми серьезными были исторические вопросы. Если вы интересуетесь историчностью библейских сообщений, то нужно выяснять, когда жил автор. Действительно ли автор был свидетелем описываемых событий? В противном случае, каковы были его источники? Каковы были его интересы? Был ли автор жрецом или мирянином, мужчиной или женщиной, кем-нибудь связанным с властью или простолюдином? Кого он уважал, кому оппонировал, откуда он появился. И так далее.

Моим учителем в *Harvard University* был профессор Фрэнк Мур Кросс. Однажды на втором курсе моей учебы возникла дискуссия на семинаре в *Departments of Old Testament and Near Eastern Languages and Civilizations*, в ходе которой профессор Кросс упомянул другой семинар, в котором он участвовал многими годами ранее. На том более раннем семинаре участники решили поработать над текстом Пятикнижия с начала, не принимая во внимание положений Документарной Гипотезы или любой другой гипотезы для того, чтобы рассмотреть его свежим взглядом, путем самостоятельного, тщательного изучения текста. После того у меня была встреча с профессором Кроссом, на которой я попросился пройти у него курс обучения. Он предложил проделать то же, что проделывалось на его раннем семинаре, и таким образом, я почувствовал себя наконец-то берущимся за вездесущую проблему формирования библейского текста. Мы начали с начала, работали со всем текстом Пятикнижия, не обращая внимания на положения существующих гипотез, оценивали доказательства. С тех пор я был заинтригован этой проблемой.

Сейчас я надеюсь продвинуть процесс решения своим содействием. В большой мере я защищаю модель, которая развилась как консенсус исследователей за прошлые несколько столетий. Я представлю новые доказательства, которые, как я считаю, поддерживают существующую модель. Там где я не соглашаюсь с предыдущими учеными,

включая, иногда, и моих собственных учителей, я ясно дам понять об этом и предоставлю собственные свидетельства. Конкретнее о том, что нового я предлагаю:

— Я хочу быть более конкретным касательно того, кем были авторы Библии: не только когда они жили, но и где они проживали, социальные группы, к которым они принадлежали, их отношения к важным фигурам и событиям того исторического момента, кто им нравился, против кого они выступали, их политические и религиозные стремления при написании своих работ.

— Я собираюсь пролить свет на взаимоотношения различных авторов. Знали ли они работы друг друга? Как представляется, знали. И это некоторым неожиданным образом повлияло на составление Библии.

— Я хочу пролить свет на цепочку событий, которые привели к объединению всех источников в одно произведение. Это также расскажет кое-что о том, как это произведение было принято в качестве священного.

— По крайней мере однажды я хочу бросить вызов мнению большинства по поводу того, кем был один из авторов Библии, когда он жил, и почему он написал.

— Имея дело с библейскими историями, я хочу показать, почему каждая история пришла в том виде, в котором есть, и каково было ее отношение к историческому периоду, в котором она родилась.

Конечно, невозможно охватить все книги Библии в этом томе. Я буду иметь дело с книгами, которые передают основную историю, из которой выросла остальная часть Библии (одиннадцать книг), и ссылаться на многие другие книги, я буду обсуждать значения этих открытий для Библии в целом.

Хорошим способом начала, как мне кажется, является воссоздание библейской картины мира в такой степени, в которой это позволяют сделать археологические свидетельства и наиболее осторожные прочтения исторических книг Библии, стремясь определить какие части библейского повествования исторически достоверны для каждого из периодов. Следующим шагом является установление местонахождения библейских авторов, писавших в соответствующий период, и определение того, в какой мере люди и

Ричард Эллиотт Фридман «Кто написал Библию?»

события той эпохи повлияли на возникновение Библии. В конце мы можем возвратиться к тому, что имело для меня первостепенное значение: причастность этих открытий к тому, как люди понимают, оценивают и используют Библию сегодня.